

Александр ПОНОМАРЁВ

ПОЛОЖЕНИЕ МОЛДАВСКОЙ ЦЕРКВИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 ГГ.

Rezumat

Situația Bisericii din Moldova în timpul războiului ruso-turc din anii 1768–1774

În articol se iau în dezbatere motivele pe care le-au avut boierii moldoveni și conducerea de vârf a Bisericii, cerând de la autoritățile Imperiului Rus să intre în supușenie rusă în perioada războiului ruso-turc din 1768–1774. În același timp, sunt arătate motivele pentru care Rusia dorea includerea Principatelor Dunărene în sfera intereselor sale, măsurile luate de P. A. Rumeanțev pentru a stabili jurisdicția rusă asupra Principatelor, lupta acestuia împotriva abuzurilor armatei țariste, măsurile administrației militare ruse de a efectua un recensământ în Principate. Sunt arătate neajunsurile istoriografiei ruse moderne, care descrie unilateral poziția populației plătitoare de impozite și a clerului. De asemenea, sunt descrie pe scurt documentele publicate. Pentru prima dată în istoriografia română și rusă, sunt introduse în circuitul științific câteva documente cu privire la situația Bisericii din Principatul Moldovei în timpul războiului ruso-turc din 1768–1774. Documentele constituie diverse petiții și rapoarte ale clericilor, persoanelor civile și militarilor cu rugămintea de a fi scutiți de încartirui și alte prestații, precum și de a li se elibera un certificat de protecție. Documentele publicate sunt condiționat împărțite în grupuri, sunt verificate etichetele pe care sunt indicate numele funcționarilor moldoveni care au verificat acest tip de documente.

Cuvinte-cheie: acte, biserică, clerici, petiții, rapoarte, scutirea de încartirui, salvogardie, armata rusă, Principatul Moldovei, verificare.

Резюме

Положение Молдавской Церкви во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

В данной статье рассматриваются причины обращения молдавских бояр и церковной верхушки к России во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. с просьбой о принятии в подданство; мотивы, по которым Россия желала вовлечения Дунайских княжеств в сферу своих интересов; меры, принятые П. А. Румянцевым по установлению российской юрисдикции в княжествах, его борьба со злоупотреблениями военных царской армии; проведение в княжествах переписи российской военной администрацией. Указано на недостатки современной российской историографии, которая односторонне освещает положение податного населения и духовных лиц. Также коротко охарактеризованы публикуемые документы. Впервые в румыно- и русскоязычной историографии вводятся в научный оборот документы о положении церкви

Молдавского княжества во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Документы представляют собой прошения и доношения духовных, гражданских и военных лиц с просьбой освободить их имения и жилища от постоя и других повинностей, а также выдать им охранный лист. Документы условно разбиты на группы, рассмотрены пометы на них, отдельно указано на сомнительную верификацию свидетельств молдавского чиновника.

Ключевые слова: грамоты, церковь, духовные лица, прошения, доношения, освобождение от постоя, салвогвардия, русская армия, Молдавское княжество, верификация.

Summary

The position of the Moldovan Church during the Russian-Turkish war of 1768–1774

This article examines the reasons for the conversion of Moldovan boyars and church leaders to Russia during the Russian-Turkish war of 1768–1774. They asked the Russian authorities to grant them citizenship, motives for which Russia wanted to include the Principalities in the sphere of their interests, measures taken by P. Rumyantsev on the establishment of Russian jurisdiction in the Danubian Principalities, his fight against military abuses, the conduct of a census by the Russian military administration in the Principalities. The shortcomings of modern Russian historiography, which unilaterally describes the situation of the tax-paying population and of the clergy, are pointed out. In addition, the published documents are briefly described. It is for the first time in Romanian and Russian historiography that some documents on the situation of the Church of the Moldavian Principality during the Russian-Turkish war of 1768–1774 are introduced into scientific circuit. The documents include various petitions and reports of the clergy, civilians and military requesting exemption of their names and homes from billeting and other duties, as well as to give them a protection card (salvogvardia). The documents are conditionally divided into groups; the labels, which indicate the names of the Moldovan officials who checked this type of documents, are verified.

Key words: acts, church, clergy, petitions, reports, exemption from billeting, salvogvardia, Russian army, the Principality of Moldova, verification.

«...Мы понимаем иначе написание истории румын и думаем, что для любого румына составляет больший интерес знание о том, как управлялась его страна, как вершилось правосудие, какие существо-

вали церковные учреждения, в каком состоянии были финансы, гигиена, школы, общественная культура, нежели знания о том, сколько москалей было убито под Туртукаем, и сколько турок пало под Брэилой».

Академик Румынской Академии наук В. А. Урекия (1896 г.)

Дунайские (Румынские) княжества в XVII–XVIII вв. традиционно обращались к русским царям за помощью в избавлении от османского сюзеренитета. Две екатерининских войны в конце XVIII в. не стали исключением. В декабре 1769 г., в начале русско-турецкой войны, духовенство Молдавского княжества подало грамоту (которая была, по сути, прошением) на имя Екатерины II, с просьбой защиты и спасения от политической и экономической зависимости от Порты [11, с. 60-65; 15, с. 27-31]. Повторная грамота была послана в Петербург после возвращения молдавской делегации, в январе 1771 г., со словами благодарности и надежды на покровительство, следующая – в том же 1771 г., и еще одна – в январе 1774 г. [11, с. 67-68, 69-70, 70-74].

Правовое сознание людей XVIII в. находилось в неразрывной связи с конфессиональной доминантой, которая и определяла самосознание человека, особенно в иноэтничном и иноконфессиональном окружении. Поэтому молдавское духовенство, традиционно считавшее Россию главной избавительницей от турецкого владычества, обратилось к российской императрице с просьбой принять население княжества в подданство.

В начале XVIII в. румынские правители тоже обращались за помощью к русским царям, но не столь открыто, делая акцент на предоставлении военной помощи, а не создавая условия поглощения княжеств империей, умело манипулируя северным соседом, как это было в случае с К. Брынковяну [14, с. 279, 286-287].

Однако не все так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Профессор Ион Еремия справедливо поставил вопрос ребром в связи с активностью пророссийски настроенной верхушки Молдавского княжества: *речь действительно идет о «влиятельной русофильской партии», или исходное положение бояр было предопределено лишь военным успехом русской армии?* [18, р. 13].

В связи с этим действительно возникает двойственное ощущение, когда военные действия, которые в ходе русско-турецких войн всегда разворачивались на территории княжеств, с одной стороны, *вынуждали* духовенство проявлять свою лояльность к российской армии, а иначе ее руководство могло расценить отсутствие таковой как сочувствие турецкой стороне.

С другой стороны, призыв к православной, но все же чужеземной армии прийти на помощь, могло расцениваться Россией как согласие княжества на то, чтобы она пришла и правила в этих землях. Ведь никто из молдавской церковной элиты условий перед Россией не ставил, требований не выдвигал, у духовенства присутствовало лишь желание избавиться от господства турок и фанариотов, чему и были посвящены *грамоты*. В тогдашних реалиях речи о каком-либо партнерстве и равенстве и быть не могло.

Прискорбно лишь то, что не только податное население, которое по привычке становилось на сторону сильнейшего, но и духовная и политическая элиты княжества впали в самообман, поддержав оккупационную армию, думая при этом, что носители имперской идеи, имея повод – освобождение угнетенных народов Балкан, имеют его и в качестве причины.

Настоящими мотивами, которые двигали Россией, были: *необходимость выхода к проливам, расширение жизненного пространства и связанные с этим экономические выгоды*.

Последнее обращение духовенства к России относится к временам русско-турецкой войны 1806–1812 гг. [11, с. 117-118], после которой политические элиты княжеств *прозрели* – часть ее территорий оказалась не освобожденной, а поглощенной все той же Россией, от которой румынский народ веками ждал помощи в устранении турецкого гнета.

Общественно-политические трансформации (восстание 1821 г., «пашоптизм», объединение княжеств в 1859–1861 гг.), приведшие к созданию государственных и социальных институтов (парламент, пресса, университеты) и увеличению числа гражданской, а не церковной интеллигенции, сделало невозможным слепую веру в доброго царя, который хочет освободить румын от *агарянского ига*. Румынский политиком со всей отчетливостью осознал, что присутствие чужеземных армий в княжествах заканчивается истощением экономического благосостояния населения и отторжением территории.

Вышеуказанное демонстрирует то, что считаться с нуждами и проблемами княжеств Россия в ходе войны 1768–1774 гг. была не намерена, а собиралась создавать из них буферную зону, которая послужит ей барьером от турецкой агрессии, что отчетливо проявилось и в последующую войну [10, с. 246]. Так Екатерина II умело использовала наследие французского философа Ш. Монтескье, который был автором этой идеи.

Высокая Порта, возведя княжества в ранг неинкорпорированных территорий, на протяжении столетий давала больше свободы для христи-

анского населения, нежели Российская империя, лишь для вида давшая Бессарабии автономию, превратив ее затем в обычную губернию.

По мнению религиоведа Вячеслава Матвеева, расположенность Молдавии между сферами влияния различных империй сделало ее «нерядовым геополитическим пространством. Приход турок не ослабил роль этих территорий. Турки еще более вознесли своим вторжением геополитическую актуальность этой части Европы» [13, с. 380].

Стоит расширить и углубить этот тезис, поскольку наличие турок не просто актуализировало значение Молдовы и Валахии в Дунайско-Карпатском регионе. Оно удержало княжества от поглощения Россией, когда идентичность восточных романцев (особенно языковая) была бы, по меньшей мере, искажена, если бы вообще сохранилась. Подтверждением тому служит русификаторская политика на всех завоеванных территориях.

Прусский император Фридрих II в августе 1769 г. при встрече с австрийским наследником престола Иосифом II выражал сильную обеспокоенность по поводу начавшейся русско-турецкой войны. Прогнозируя необратимые последствия экспансии России на Балканы, он предостерегал австрийскую монархию: «Чтобы остановить эту державу, вся Европа должна будет вооружиться, потому что она завоеует все» [Цит. по: 12, с. 113].

Неопровержимым доказательством имперских амбиций северного соседа, направленных на поглощение княжества, было проведение переписи на территории театра военных действий. Освободителям незачем считать чужих овец и вести учет всем сословиям, если их не задумали эксплуатировать. Аналогично действовала российская казенная машина и в Украине.

Проведению переписи населения всех 10-ти полков Левобережной Украины в 1765–1769 гг. и составлению на этом основании Румянцевской описи предшествовала ликвидация в 1764 г. Гетманщины как политического института, а в 1782 г. сотенно-полковое устройство было реформировано в наместничества, а затем – в губернии.

В Молдове, не дождавшись окончания войны, которая, по мнению Петербурга, должна была закрепить княжества за Россией, начали подворную перепись населения. Так, в ордере (21 октября 1772 г.) генерал-фельдмаршала Петра Румянцева Председателю Дивана Молдовы генерал-майору Александру Римскому-Корсакову приказывалось узнать, сколько «в каждом цынуте всех селений и в тех дворов, мазылей, духовнаго и мирскаго звания подданных <...>, цыган, и кому оныя принадлежат <...> и кто из

них <...> исключены из общенародных повинностей» [8, л. 157].

Председатель Дивана обещал посланными от него «чрез нарочных казаков к исправникам ордерами <...> на основании, приложенных при оных форм, сочинить ведомости», которые намеревался к 25 ноября 1772 г. «представить со всякою верностью и исправностью» [8, л. 157]. Впоследствии эти данные станут основой для издания результатов переписи Молдовы – ценного источника по истории княжества [20].

Война 1768–1774 гг. была одной из самых длительных и изнуряющих русско-турецких войн, которые велись на территории княжества. Для освещения положения Церкви Молдовы, всего княжества в целом в указанный период необходимо капитальное исследование, такое как, например, провел доктор хабилитат истории Алексей Агаки о войне 1806–1812 гг. – объективное и всестороннее [17].

В то же время современная российская историография при описании русско-турецких войн страдает недомолвками, пользуясь *фигурами умолчания*, не всегда называя вещи своими именами. Позволим себе широкую цитату о войне 1768–1774 гг.: «Русская военная администрация стала принимать меры по организации управления в княжествах. По просьбе бояр верховную власть в них оставили за Диванами. В качестве председательствующих в них были назначены представители русского военного командования (тоже по просьбе бояр? – А. П.), призванные решать дела по управлению только с согласия всех наличных членов Дивана. Руководитель администрации П. А. Румянцев в своих рескриптах неоднократно подчеркивал необходимость соблюдать местные законы и традиции. Денежные поборы с населения заменили натуральными поставками, причем запрещалось какое-либо насилие при их взимании (значит, и насилия не было? – А. П.). Были приняты меры по упорядочиванию меры работы Диванов, организации финансов, местного управления, юстиции, санитарного обслуживания населения. Проводились также мероприятия по восстановлению городов и сел, поддержанию ремесла и торговли, функционированию школ» [10, с. 135]. И ни слова о том, как на самом деле обстояли дела со всем упомянутым.

Даже если не прибегать к анализу неизданных документов, видно, что уже к 1771 г. злоупотребления со стороны военных приобрели широкий размах. В связи с этим Румянцев писал 18.05.1771 г. генералу Николаю Репнину, что до него дошли сведения о поведении офицеров, «кои должны <...> примером для подчиненных своих служить», а не чинить «разорения обывателей собираньем без потребы подвод, принуж-

дением их чрез разные притеснения к побегам, а потом продаже оставшегося скота <...> в свою корысть, в насилии над женщинами, бой мужей оных и других граждан и поселян», а также соблюдать выданные фельдмаршалом салвогвардии (охранные листы) [16, с. 131-132].

Публикуемые ниже документы содержатся в ф. 246, Военно-походная канцелярия фельдмаршала Румянцева-Задунайского Центрального государственного архива Украины, г. Киев (далее: ЦГИАК Украины) и хронологически охватывают период с марта 1770 г. по июнь 1779 г.

Среди них находятся прошения и доношения духовных и гражданских лиц об освобождении принадлежащих им селений от повинности постоя и выдаче салвогвардии на их имения (док. № 1, 5, 7); доношения арнаутских капитанов о выдаче салвогвардии на их дома (док. № 2, 3); прошение доверенного лица молдавского митрополита о замене обещанного имения на другое (док. № 4); извлечение из протокола допроса черновицкого старосты Григория Захарии о его мытарствах во время войны (док. № 6).

Все документы, кроме № 6, были адресованы Главнокомандующему 1-й армией генерал-фельдмаршалу графу Петру Румянцеву, облеченному наивысшей властью в княжествах.

Документы № 4, 5, 8 не ордерованы, то есть по ним не было вынесено никаких решений. Сомнение вызывает лишь помета, которая стоит на отдельном листе и может относиться к док. № 5: «в полки предложено...», но упоминаний о салвогвардии нет ни на нем, ни в самом документе.

Также большое сомнение вызывает, в частности, верификация некоторых сведений от черновицкого старосты, который, желая и далее сотрудничать с российским генералитетом, сообщал, что во время пребывания его в Константинополе он слышал, «что турки весьма хвалят россиян за их милосердия поступки с пленными <...> что <...> многих отпустили на волю с награждением, и протчим всем даются: пропитание и денги», а турки желают, чтобы необустроенность, вызванная войной, прекратилась «скорѣйшим прибытием россиян к Константинополю и покорением сего города (sic! – А. П.)» (док. № 6). О желаниии мусульманского населения Оттоманской Порты быть покоренными Россией, насколько нам известно, сведений еще не публиковалось. Цитируемый документ явно расходится с реалиями военной жизни, изображенными ниже.

В декабре 1770 г. епископ Хушский Иннокентий просил избавить от постоя одно из его сел в цинуте Фэлчиу для того, чтобы он мог там «от многотрудностей иметь покой». Однако по этому доношению не было вынесено резолю-

ции, несмотря на то, что епископ максимально соблюдал правила политеса, замечая о русских войсках: «... От них притеснения и не имею, и всегда желаю, чтоб им во оных (селах – А. П.) находится <...> защитниками» (док. № 5).

Трагизм и цинизм ситуации состоял и в том, что именно епископ Иннокентий годом ранее (декабрь 1769 г.) возглавлял делегацию духовенства и бояр с просьбой о принятии Молдавского княжества в российское подданство [11, с. 60-65; 15, с. 27-31].

При археографической подготовке документов к публикации была максимально уточнена пунктуация, сокращения раскрыты, пропущенные буквы или недостающие по смыслу слова даются в квадратных скобках, незначительные архаизмы и неправильно написанные слова сопровождаются восклицательным знаком в круглых скобках, из дореформенной орфографии в документах сохранены «ѣ» и «ѧ», автографы воспроизведены аутентично. Написание некоторых молдавских топонимов в заголовках документов приводятся в соответствии с современной орфографией румынского языка.

Документ № 1

1770 г., марта 10. – Прошение доверенного лица епископа Рэдэуцкого Дософтея, иеромонаха скита св. Антония Великого Михаила Главнокомандующему 1-й армией генерал-аншефу графу Петру Румянцеву с просьбой: о даче салвогвардии на деревню Рэдэуць; об освобождении от повинностей монастырских волохов и цыган; не забирать впредь волов и коней у крестьян

Преосвященниче¹ Дософтея Радоуцкого от поверенного им [и]еромонаха Михаила Всенижайшее прошение

1-е) Как небывзвестно² вашему высокографскому сиятельству, что для армии ея императорского величества следует к летнему времени к доставлению правианта и фуража, а ныне жители гораздо в великом страхе и ужасе, кои между горами и лесами жителство имеют, и с коих мест и не осмеливаются выходить, орать и сеять хлеб, также косить сено и протчее к приуготовлению к летнему времени ж, ибо около оных стоят казачкия войски.

2-е) Означенного преосвященниче Дософтея, принадлежащая во владени[и] ево в деревне Радоуци, которая состоит на тракте Сачавском и Чернауцком, по которому проходящая войски чинят обиды.

3-е) По указу ея императорского величества велено в Радоуцкой и в протчих разных епартиях³, денно и ночью молебствие чинить о победе на враги⁴ (!) и благополучи[и] всей арми[и], также приходским и монастырским священникам

(!), равномерно и мирянам, то оныя в показанные часы священнической (!) чин в собрани[и] не бывает по причине, что следующие войски забирают в подвотчики, и чинят немалую обиду, и забирают валы (!) и лошади, которых и обратно в возврат не получают.

4-е) Преосвященнишего Иякова, также и протчих [из] брати[и] к называемым монастырям: Путнянского и скит Сагастрия Урсоа⁵, под которыми даны от князей-ктиторов крепостных несколько, для услуг к тем монастырям, определены цыганы, также волохов пяти, кои употребляются в подвотчики (!) и в разные места, против обывателей, нареду⁶.

Того ради, вашего высокографского сиятельства, всенижайше прошу на следующие мои прошени зделать всеподданническое свое милосердие:

1-е) состоящим между горами и лесами обывателям, не [с]облаговолено ль будет, приказать тем стоящим казацким войскам преследовать⁷ в удобнейшее место, в называемую в степь Полнии Трави, где еще прошлогодней травы от земли в поларшина ростом и гораздо доволное число, а обыватели б могли б, между тем, в сем поправитца;

2-е) [дать] в принадлежащую деревню [Рэдуць], о нечинении обид, салвогвардию;

3-е) учиня всякое милостивое милосердие, и не соизволено б было [не] чинить болшей обиды и в забрани[и]: как валов, так и лошадей, впредь, хотя [бы] нагло не заирать;

4-е) [дать] [салвогвардию] также на означенные два монастыря: [Путна и скит Сихэстрия Урсоа], о запрещени[и] [взятия] следующих крепостных цыган и волох пяти, кои бы не употребляемы были в подвотчики с протчими обывателями, ибо во оных крайняя и необходимая нужда состоит в тех монастырях.

Епархїи Радоуцкой ієромонах Михаилъ обители святого Антонїя Великаго

Помета: Писано к Фонштофелну марта 11 дня.

ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 152, л. 43 и об., 84. Оригинал. Почерк, близкий к писарскому. Подпись-автограф.

Документ № 2

1770 г., сентября 19. – Доношение арнаутского капитана Александра Чернова Главнокомандующему 1-й армией генерал-фельдмаршалу графу Петру Румянцеву с просьбой о даче салвогвардии на его дом, находящийся в деревне Бэтренишь цынута Хырлэу

От арнаутского капитана Александры (!) Чернова Покорнѣйшее доношение

В службе ея императорского величества я нахожусь с [1]769 году поныне безотлучно при арнаутах, и во все время против неприятеля оказывал себя многократно, как верному и подданому ея императорского величества рабу надлежит, в чем свидетельствуюсь и на данной мне в прошедшем [1]769 году от капитана, что ныне майором Лалоша атестат. А как дом мой состоит в Молдави[и] цынута Харлавова в деревне Батренеште, в коем находитца жена и дети и несколько подданных. И чрез присланное от жены моей письмо уведомился, что подданные мои тамошние жители ее ни в чем не слушают, да и работать не хотят.

Того ради всенижайше прошу вашего сиятельства дать повеление с того цынута [Хырлэу] исправнику, чтоб он подданных моих привел в послушание жены и детей моих, и, дабы оне (!) исправляли все принадлежащее до дому моего, а чтоб от проезжающих росиских (!) войск дом мой разорен не был, пожаловать либертацию⁸.

капитан Аликсандру Чорнень

Помета: Подано 20 сентября.

Помета: Писано Черноевичу и салвогвардия дана 21 сентября.

ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 145, л. 253 и об. Оригинал. Почерк писарский. Подпись-автограф.

Документ № 3

1770 г., сентябрь. – Доношение арнаутского прапорщика Георгия Милковича Главнокомандующему 1-й армией генерал-фельдмаршалу графу Петру Румянцеву с просьбой о даче салвогвардии на его дом, находящийся в м-ке Фокшаны

От находящегося при арнаутах прапорщика Георгия Милковича

Доношение

Я уведав из дому моего, состоящего в Фокшанах, что тамошние жители чинят оному болшие притеснения, а имеющаяся во мне к службе ея императорского величества ревность, не думаю, чтоб вскоре допустила оной видеть (!), и, дабы чрез долгое мною во оном небытие более в раззорение приведен не был.

[Поэтому], вашего высокографского сиятельства, всеподданнейше прошу о нечинении, как от российских войск, так и от тамошних жителей оному моему дому, и в нем живущим команды моей арнаутам, раззорения и никаких притесненей (!), дать мне салвогвардию.

Прапорщикъ Георги Милковичъ

Помета: Подан 21 сентября.

Помета: Дана салвогвардия.

ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 145, л. 266. Оригинал. Почерк писарский. Подпись-автограф.

Документ № 4

1770 г., ноября 8. – Прошение доверенного лица митрополита Молдовы, священника Михаила Главнокомандующему 1-й армией генерал-фельдмаршалу графу Петру Румянцеву с просьбой о даче ему земель Коржеуць на р. Лопатник возле м-ка Хотина, поскольку обещанное имение Каса Дебейлик уже находится во владении яесского монастыря св. Иоанна Златоуста

Всенижайшее прошение

Ваше сиятельство уж известны из поданного первого моего прошения, сколь я предан ея величеству императрице всероссийской, а напротив того и усерден службе ея, по возможности моей, где только мог все искренно (!) стараясь доказать оное. Во свидетелство чего оригинальное (!) поднес, при том, вашему сиятельству, данное Яесскому Дивану от покойного генерала-порутчика Фонштофельна, предложение о даче мне обещанного от него в вечное владение, выбранного мной, по его повелению, здесь в Яссах места, принадлежащего бывшим господарям, называемого Каса Дебейлик⁹, о коем от Дивана было тогда мне объявлено, что сие место уж состоит под владением монастыря Иоанна Златоуста. Но однако ж помянутой покойной генерал-порутчик, по сей притчине, на вторичную мою прозбу приказал выбрать другое место, [в соответствии], с предреченным же обещанием, кое я себе нашел по точному мне сведению, прежде сего турком Газе Низем, владеющую землю, называемую Коржевец, посередине рай, состоящую подле речки Лопатник, близ Хотина. Токмо смерть покойного генерала-порутчика, по моему несчастию, не допустила сего – воспользоваться милостию, за труды мне обещанною, соответствующего, до конца моей жизни, ея императорскому величеству употреблять оные. Лшу себя, однако ж, сверх того надеждою, что всякаго усердная ея величеству служба никогда в награждении затменена¹⁰ не бывает, а особливо еще в обещаниях. И потому уверен я, по справедливости, что ваше сиятельство не оставите в предписанном сделать мне милостивую резолюцию (!).

К сему прошенію священникъ Михаил,

еѣархъ митрополитанской руку приложилъ

ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 137, л. 53.

Оригинал. Почерк писарский. Подпись-автограф.

Документ № 5

1770 г., декабрь. – Доношение епископа Хушского Иннокентия Главнокомандующему 1-й армией генерал-фельдмаршалу графу Петру Румянцеву с просьбой освободить от постоя Крецешти – одно из восьми сел, которые принадлежат ему в цынуте Фэлчиу, и дать ему на него салвогвардию

Всепокорнѣйшее доношение

Как вашему высокографскому сиятельству небезизвестно, что монастырь Хушь, в коем я до сего жительство имел, турками приведен в раззорение, чрез что и меня принудил лишиться всего имения и покоя.

В Фалчинском же цынуте, хотя и состоит владения моего восемь сел и имянно: Крецешти, Станилешти, Волосени, Послушницы, Кузмешти, Подолении, Тоторени и Красношани, но и в тех нынѣ квартируют армии вашему высокографскому сиятельству вверенной пехотных полков полковья служители. От коих притеснения и не имею, и всегда желаю, чтоб им во оных находится мнѣ и в них жителям защитниками, но, по неимению других хутаров, где б я мог от многотрудностей иметь покой способным избираю из всех оных село Крецешти.

И всеподданнѣйше прошу, из человеколюбия вашего высокографского сиятельства, показанное село Крецешти для моего жительства от постою избавить, и, чтоб во оном мнѣ и жителям от войск притесненей и обид чинено не было, пожаловать салвогвардию.

Смерены Інокентіе епископ Хушенски

Помета на л. 75: В полки предложено 14 декабря.

ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 135, л. 76.

Оригинал. Почерк писарский. Подпись-автограф.

Документ № 6

1771 г., октября 20. – Извлечение из протокола допроса бывшего черновицкого старосты Григория Захарии, где рассказывается о выезде его семьи в Яссы, а затем в Константинополь, куда выехала и семья молдавского господаря Григоре Каллимахи; об обратном пути старосты из Константинополя через Брашов в Яссы для забрания долгов по векселям

1771 года октября 20 дня, присланной от генерал-майора Римского-Корсакова грек Григорий Захария в допросѣ показал слѣдующее.

До вступления российских войск в Молдавию был он старостою Черноуцким и в 1768 году чрез бывшего в Залещиках управителя Скарлата Баскатта подавал обо всем известии генералу князю Прозоровскому. Сей генерал советовал ему напоследок, чтобы он для безопасности фамилию свою перевез в Польшу, и он на то был согласен, но не получа долгое время никакого от него вспоможения, а между тем, терпя великия притеснения от набегов татарских, а паче опасаясь лишения от конфидератов (!), за отобранных у них, бывших в плѣну российских [военных]: одного вахмистра Николая Култашевского и четырех рядовых, коих он отправил к князю Прозоровскому, отвез фамилию свою в Ясы. А как

сие происходило в самое то время, когда молдавская княгиня отправляема была в Константинополь, то и он с нею своих туда же послал, а сам оставался в Ясах под покровительством господаря Калымахия (!) до взятия онога в Хантепеси¹¹.

Послѣ чего лишасть он своего покровителя, и, убѣгая от поисков конфидератских (!), кои они чинили, чтоб ево, яко доброжелательствующего россиянам предать туркам, уехал в Константинополь к своей фамилии. И тамо жил сего году по генварь месяц, а в 25 день того месяца выехал из Константинополя, как для отискания своих долгов на яских жителях имеющихся, так и для того, чтоб предстать пред его сиятельство господина генерал-фельдмаршала для испрошения за вѣрныя ево службы, какого ни есть пропитания. Путь свой имел он с цесарским курьером чрез Белград и по выдержании в Земанѣ сорокадневного карантина в апрелѣ месяце отправился отоль в Брашов.

Тут он, по переведенным на него из Константинополя векселям, принужден был прожить по сентябрь месяц, а между тем, писал в Ясы к купцу Косте Авраму, чтобы он испросил ему от генерала Корсакова о свободном проезде в Ясы позволение, но не получа онога, чрез долгое время, в исходе сентября месяца выехал из Брашова к карантинному на молдавской границе дому и жил тамо с неделю во ожидании приезжих купцов, чтобы нанять для себя до Яс подводу. В сие время прислал к нему из Брашова письмо Думитраки Гика, надписанное на имя его сиятельства, с коим он прибыл в Ясы и представлен к генерал-майору Корсакову, где увидѣв ево погарник Лимбо объявил, что у него есть принадлежащие ему письма, присланные к нему от князя Прозоровского, которыя при сем и представляются.

В бытность ево в Константинополь слышал он, что турки весьма хвалят россиян за их милосердыя (!) поступки с пленными, говоря, что онѣ многих отпустили на волю с награждением, и протчим всем даются: пропитание и денги, и по причинѣ недостатка в пище и многих работ, без всякого платежа желают, чтобы толь смутныя для них обстоятельства пресѣклись скорѣйшим прибытием россиян к Константинополю и покорением сего города. <...>

ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 238, л. 148 и об. Оригинал. Почерк писарский.

Документ № 7

1771 г., ноября 22. – Доношение [сестры господаря Григоре Каллимахи] Марии Каллимахи Главнокомандующему 1-й армией генерал-фельдмаршалу графу Петру Румянцеву с жалобой на то, что российские войска безденежно взяли 15 фур сена и просьбой освободить от постоя

Штанчешть – одну из ее трех деревень неподалеку м-ка Ботошань, дав на нее салвогвардию

Всенижайшее доношение

Имѣю я, нижайшая, при мѣстечкѣ Ботушанах деревни: Ипурены, Клипычены и Штанчешты, в которой и сама жителство имѣю, из коих прошедшого года толко в первых двух военнослужащие квартировали. Показанные же Штанчешты были постоем не заняты, да и то по причинѣ бывшего тамо в то время морового повѣтря, а нынѣ и в той деревни от команды господина полковника Прозоровского¹² карабинеры разставлены и два ротмистра в собственном моем домѣ заняли сѣбѣ квартиру, а мнѣ нижайшей велѣли из онога выступить.

Сверх того, взяли при мнѣ собственного моего сѣна пятнатцать фур безденежно, а без меня может быть забрали уже и болше.

Из находящихся ж при том же мѣстечкѣ Ботушанах других помѣщиков деревень, как прошедшого года, так и нынѣ ни одна постоем не занята, а именно: Катамарешты, монастыры Домны, Гукол, Арапу, Рушы, Бейшены, Кутешты, Вешены, Крештешты, Стоичены, Бузены, и Потешты.

Вслѣдствие чего, всенижайше ваше сиятельство прошу, милостиво призрѣв, на мое вдовынное (!) сиротство приказать, кому слѣдует, состоящий в показанных первых двух деревнях моих постой, с крайнею тягостию моих поданных облегчить, а из послѣдней, называемой Штанчешты, приказать вывезть и расположить в вышепоказанных деревнях, дабы я могла спокойно прожить в моем домѣ, а за забратое у меня сѣно повелѣть, кому надлежит, безобидное учинить мнѣ награждение, и на оную пожаловать охранительной лист.

*О семъ всенижайше просить
Марие Калимахова*

Помета: Подано 22 ноября.

Помета: Ордирировано 22 ноября 1771.

ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 240, л. 191 и об. Оригинал. Почерк писарский. Подпись-автограф.

Документ № 8

1779 г., июнь. – Доношение настоятеля монастыря Кэлэрэшеука иеромонаха Самуила Главнокомандующему 1-й армией генерал-фельдмаршалу графу Петру Румянцеву-Задунайскому с просьбой отпустить его с братиею из Гамалеевского монастыря назад в монастырь Кэлэрэшеука для поиска церковного имущества

Нижайшее доношение

Во время нападения турецкой команды на христиан, содержащихся в волости Волоской, с коих немалое число и збѣжало за разние гра-

ници иных земель, а иных предавали мучению и смертному убийству, как то и в прошедшем 1771-м году¹³ и воеводѣ волоскому голову сняли, также и многое число волоских панов, содержащих христианскую вѣру без пощады казнили, в оном же монастырѣ Карлашевском¹⁴, в котором я нижайший поставлен был над братиею начальником от его преосвященства епископа Инокентия Гускаго¹⁵, пасѣчника убили, и в то самое время монастырѣ, состоящие [в] благочестивой вѣрѣ, разрушаемы были, в коих сосуди священниче и иконы попираемы были оных злочинных¹⁶ турок ногами, и от такова великаго страху и лютаго гонения, как пани волоские, так и из монастырей монашествующие со всѣм своим имуществом спасались бѣгом, иними (!) пограничными мѣстами, с которых и я нижайший з братиею, изшедши из своего Карлашевскаго монастыря со всѣм церковным имуществом и утварми¹⁷, запечатанными в сундуках и обшитие коврами, перевезши за границу в Полскую область, поручил греку, – жителю могилевскому Марку Гажѣю до благополучнаго времени моего возвращения в оной же монастырѣ, без какова моего возвращения он Гажѣй никому оных вещей не отдаст, а именно: ризницу, келюхи¹⁸, дискоси, звѣзды, ложки, антими[н]с и блюда, также крести серебряные и золотые, Евангелия, и принадлежащие до круга церковнаго книги, колоколи ж, там же в земли скрил.

Впредь же еще до того лютаго гонения, я нижайший з братиею на один колокол учинил контракт на двѣсти рублей, с коих и дано майстру сто тридцать рублей, и, что ни принадлежит до матерьялов – отданно, но чрез оное лютое время гонения, оного колокола не делано, деньги ж у оного майстра пропадают безвинно.

Посля ж того, как турецкая команда разсвирѣпившись (!) на народ за избѣжания из волости Волоской к спокойному и предохранительному мѣсту, распредѣлили крепкие свои караулы вездѣ на заставах, с тѣм, дабы впредь никто с оной волости убѣжать не мог. В то время я нижайший, видя з братиею такое от турков гонение и немалое монастырям разорение, скривался з братиею по своим свойственным¹⁹ до тѣх пор, пока дошло знать командующему арміею генералу Ржевскому²⁰, кой, забравши меня з братиею, приказал представить в Киевскую губернскую канцелярию, а из оной отправленно нас в Гамалѣвский монастырѣ²¹, на пребывание, гдѣ и понинѣ, я нижайший, з братиею нахожусь²², и терплю несносные обиды и поругательства.

Совѣсть же наша не дает покою, потому:

1-е) что оного Карлашевскаго монастыря сыны [покинули свою обитель];

2-е) вещи разныя, скритыя в землю нашими руками, [оставили без присмотра];

3-е) майстру деньги поручили и матерьялы на зделку колокола, и ежели не повелѣнно нам будет, паки возвратится в оной монастырѣ, то оные вещи пропадут вѣчно, за что Господь будет судить нас на втором пришествии.

И для того, вашего высокографскаго сыятелства, нижайше прошу, меня з братиею безпомощных, милостиво повелѣть отпустить и на свободной пропуск в оной Карлашевский монастырѣ видать пашепо[р]т, и о сем учинить милостивое рассмотрение и опредѣление. О сем просит

*Начальникъ Карлашевскаго монастыря
іеромонах Самуилъ*

*ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 3, д. 125, л. 41
и об. Оригинал. Почерк писарский. Подпись-автограф.*

Примечания

¹ Здесь и далее: преосвященнейшего.

² Небезызвестно.

³ Епархиях.

⁴ Над врагами.

⁵ Подчеркнуто автором документа. Имеется в виду скит Сихэстрия Урсоая.

⁶ Которые используются в качестве подводчиков (погонщиков коней и волов – А. П.), и на наряды в разные места, как и обыватели.

⁷ Проследовать.

⁸ Салвогвардию.

⁹ Каса де Бейлик изначально строилась как резиденция господарей Молдовы; впоследствии это заезжий двор, где останавливались турецкие купцы и эмиссары, приезжавшие в Яссы.

¹⁰ Затменена – затемнена, забыта.

¹¹ Хантепеси – турецкое название кургана Рябая Могила. Хан-Тепеси (тур.) – Ханская Ставка.

¹² Прозоровский Андрей Иванович (1748–1800) – князь, полковник, с 1773 г. генерал-майор. Полковник Рязанскаго карабинернаго полка (после кампании 1770 г. находился на зимних квартирах в цинуте Ботошань и Хотинской райе). Позже, в ходе войны 1768–1774 гг., командовал бригадой из Рижскаго, Рязанскаго, Каргопольскаго, Тобольскаго и Вятскаго карабинерных полков.

¹³ Неточное упоминание о смерти молдавскаго господаря не дает яснаго представления, кто из правителей Молдовы имеется в виду. Господарь Григоре Каллимаки был казнен турками в Стамбуле в сентябре 1769 г., а Григоре III Гика – в Яссах в октябре 1777 г. По нашему мнению, имеется в виду Гика, поскольку его смерть была не только ближе к дате написания доношения, но и вызвала значительный резонанс во всей Европе.

¹⁴ Здесь и далее – монастырѣ Кэлэрашэука.

¹⁵ Хушскаго.

¹⁶ Злочинних (укр.) – преступных, злодейских.

¹⁷ Утварью.

¹⁸ Келехи (укр.) – бокалы. Здесь – чаши, потиры.

¹⁹ Свойственникам.

²⁰ Ржевский Степан Матвеевич (1732–1782): бригадир, генерал-майор (1770), генерал-поручик (1775).

²¹ На 1779 г. – Гамалеевский (Харлампиев) мужской монастырь. В 1713 г. на месте женского скита Харлампиева Пустынка женой гетмана Ивана Скоропадского, Настей, о характере которой народ говорил: «Настя носить булаву, а Иван – плахту», был основан Пустынно-Харлампиевский Гамалеевский женский монастырь. В 1722 г. в нем был похоронен гетман Иван Скоропадский. В 1733 г. по завещанию Насте-гетманши он становится мужским монастырем, а в 1827 г. – снова женским. В 1924 г. был закрыт. Остатки культовых сооружений монастыря расположены на берегу р. Шостка в с. Гамалеевка, Шосткинского р-на, Сумской обл.

²² В ЦГИАК Украины (ф. 1839, Гамалеевский Пустынно-Харлампиевский монастырь) документов о нахождении молдавских монахов нами не выявлено. Однако в другом документе говорится о том, что приведенный в апреле 1774 г. к присяге монах Питирим показал, что он – уроженец Нежина, «бывшаго тамо жителством волоха Луки Стефанова сын <...> по смерти <...> отца ево находился тамо при нежинских купцах <...>, с которыми ездил в Волощину, где в тамошнем Каралашевском монастыре <...> архимандритом Лаврентием пострижен в монаха, а в 1768-м году по нападению турками оной монастырь разорен и он Питирим с протчими в том монастыре бывшими монахами спасся бегом». После смены ряда монастырей Питирим в 1771 г. пришел в Киево-Пустынный Николаевский монастырь (ЦДИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 7261, л. 19).

Литература

1. ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 7261, л. 19.
2. ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 135, л. 76.
3. ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 137, л. 53.
4. ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 145, л. 253 и об., 266.
5. ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 152, л. 43 и об., 84.
6. ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 238, л. 148 и об.
7. ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 240, л. 191 и об.
8. ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 1, д. 353, л. 157.
9. ЦГИАК Украины, ф. 246, оп. 3, д. 125, л. 41 и об.
10. Век Екатерины II. Дела балканские. Отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Наука, 2000, 294 с.
11. Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии. Документы и материалы. М.: Индик, 1996, 380 с.

12. Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Издательство Академии наук СССР, 1955, 366 с.

13. Матвеев В. В. «Сага о Боге-Быке». Кишинев, 2014, 672 с.

14. Пономарьев О. Український аспект валасько-російських відносин 1688–1700 рр. In: Україна у Центрально-Східній Європі. Вип. 12–13. Київ, 2013, с. 270–296.

15. Россия и освободительная война молдавского народа против османского ига. 1769–1812. Под ред. Н. А. Мохова, Д. М. Драгнева. Кишинев: Штиинца, 1984, 296 с.

16. Фельдмаршал Румянцев. Документы, письма, воспоминания. Сост. А. П. Капитонов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001, 311 с.

17. Agachi A. Țara Moldovei și Țara Românească sub ocupația militară rusă (1806–1812). Ediția a 2-a, revăzută și completată. Chișinău: Pontos, 2008, 386 p.

18. Eremia I. Întul cler din Moldova în anii 1768–1791: între Rusia ortodoxă și Imperiul Otoman islamic. In: Biserica Ortodoxă din interfluviul pruto-nistean (1813–2013). Simpozion științific internațional, din 14–15 octombrie 2013, Chișinău. Coordonatori: Octavian Moșin, Ion Gumenii. Chișinău: ABC, 2013, p. 11–27.

19. Moldova în epoca feudalismului. Vol. VII. Partea I. Recensămintele populației Moldovei din anii 1772–1773 și 1774. Chișinău: Știința, 1975, 606 p.

References

1. TsGIAK Ukrainy, f. 59, op. 1, d. 7261, l. 19.
2. TsGIAK Ukrainy, f. 246, op. 1, d. 135, l. 76.
3. TsGIAK Ukrainy, f. 246, op. 1, d. 137, l. 36, 36 ob., 50, 53, 56–56 ob.
4. TsGIAK Ukrainy, f. 246, op. 1, d. 145, l. 253–253 ob., 266.
5. TsGIAK Ukrainy, f. 246, op. 1, d. 152, l. 43–43 ob., 84.
6. TsGIAK Ukrainy, f. 246, op. 1, d. 238, l. 148–149.
7. TsGIAK Ukrainy, f. 246, op. 1, d. 240, l. 191–191 ob.
8. TsGIAK Ukrainy, f. 246, op. 1, d. 353, l. 157.
9. TsGIAK Ukrainy, f. 246, op. 3, d. 125, l. 41–41 ob.
10. Vek Ekateriny II. Dela balkanskije. Otv. red. V. N. Vinogradov. M.: Nauka, 2000, 294 p.
11. Vinogradov V. N., Ereshchenko M. D., Semionova L. E., Pokivaylova T. A. Bessarabiya na perekriostke Evropeyskoj diplomatii. Dokumenty i materialy. M.: Indrik, 1996, 380 p.
12. Drujynina E. I. Kiuchuk-Kajnardjyyskiy mir 1774 goda (ego podgotovka i zakliucenie). M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955, 366 p.
13. Matveev V. V. «Sagha o Boghe-Byke». Kishiniov, 2014, 672 p.
14. Ponomariov O. Ukrain's'kyi aspekt valas'ko-rosiys'kyh vidnosyn 1688–1700 rr. In: Ukraina u Tsentral'no-Shidniy Evropi. Vyp. 12–13. Kiiiv, 2013, p. 270–296.
15. Rossiya i osvoboditel'naya vojna moldavskogo naroda protiv osmanskogo igi. 1769–1812. Pod red.

N. A. Mohova, D. M. Dragneva. Kishiniov: Shtiintsa, 1984, 296 p.

16. Fel'dmarchal Rumiantsev. Dokumenty, pis'ma, vospominaniya. Sost. A. P. Kapitonov. M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2001, 311 p.

17. Agachi A. Țara Moldovei și Țara Românească sub ocupația militară rusă (1806–1812). Ediția a 2-a, revăzută și completată. Chișinău: Pontos, 2008, 386 p.

18. Eremia I. Înaltul cler din Moldova în anii 1768–1791: între Rusia ortodoxă și Imperiul Otoman islamic. In: Biserica Ortodoxă din interfluviul pruto-nistean (1813–2013). Simpozion științific internațional, din 14–15 octombrie 2013, Chișinău. Coordonatori: Octavian Moșin, Ion Gumenii. Chișinău: Cuvîntul-ABC, 2013, p. 11-27.

19. Moldova în epoca feudalismului. Vol. VII. Partea I. Recensămintele populației Moldovei din anii 1772–1773 și 1774. Chișinău: Știința, 1975, 606 p.

Alexandr Ponomariov (Kiev, Ucraina). Doctor în istorie, Arhiva Istorică Centrală de Stat din Ucraina.

Александр Пономарёв (Киев, Украина). Кандидат исторических наук, Центральный государственный исторический архив Украины.

Alexandr Ponomariov (Kiev, Ukraine). PhD of History, Central State Historical Archive of Ukraine.

E-mail: mihalych1878@gmail.com